
ЧЕРТЫ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В РОМАНЕ ГАМАЛЯ АЛ-ГИТАНИ «ПОСЛАНИЕ О ЛЮБВИ И СТРАСТИ»

В.В. Васильев

Отдел литератур народов Азии
Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

В статье ставится задача выявить черты неотрадиционализма в романе египетского писателя Г. ал-Гитани «Послание любви и страсти».

Ключевые слова: современный египетский роман, неотрадиционализм, жанр братского послания.

Гамаль ал-Гитани (род. 1945) начинал свою литературную деятельность в 1960-е гг. в числе молодых писателей «новой волны», искавших пути обновления египетской прозы, повествовательные и изобразительные средства, адекватные, по их представлению, духу времени. В отличие от прозаиков, следовавших в русле модернистских течений западной литературы, Г. ал-Гитани обратился в своем творчестве к наследию арабской средневековой прозы, к ее традиционным жанровым формам и стилям. «Из национального наследия я начал извлекать новые формы литературного выражения, — пишет Г. ал-Гитани. — Во мне постоянно жило стремление преодолеть форму романа, которую я знал раньше. Другими словами, я хотел избавиться от давления классиков, найти самого себя» [1. С. 236]. Видимо, сыграло свою роль и то обстоятельство, что Г. ал-Гитани провел детство и юность в старинном каирском народном квартале ал-Гамалийя, и круг его чтения составляли преимущественно сочинения средневековых арабских авторов, исторические и религиозные, которые за небольшую плату выдавались в ближайшей книжной лавке для прочтения. Из современных египетских писателей он предпочитал Нагиба Махфуза (1911—2006), который, создав целый ряд романов по образцам классики европейского реализма, первым обратился к арабскому средневековому наследию в целях «арабизации» современной арабской литературы, т.е. придания ей более ярко выраженного национального колорита. Махфуза ал-Гитани считает своим учителем. В дальнейшем неотрадиционалистские тенденции получили развитие не только в Египте, но и в других арабских странах.

Однако ал-Гитани активно читал и современную западную литературу, а переведенный на арабский язык роман Дж. Джойса «Улисс» произвел на него, по его словам, «огромное впечатление» [Цит. по: 4. С. 160].

Первым произведением ал-Гитани, принесшим ему известность, стал роман «Аз-Зейни Баракат» (1971), написанный в стиле средневековой исторической хроники. Основой для романа послужила хроника египетского историка XVI в. Мухаммада ибн Ахмада ибн Ийаса ал-Ханафи ал-Мисри «Редкостные цветы в событиях веков», в которой излагаются события, происходившие в Египте накануне

его завоевания в 1517 г. турками-османами. Ал-Гитани увидел в этом периоде сходство с ситуацией до и после арабо-израильской войны 1967 г. [3. С. 216—217].

Продолжая экспериментировать, ал-Гитани создает несколько романов, стилизованных под различные средневековые и современные, в том числе внелитературные, жанры и остро актуальных по своему содержанию, в частности «События на улице аз-Заафарани» (выстроен в форме «полицейского досье», 1976), «Земли ал-Гитани» (стилизован под средневековое историко-географическое «описание земель», 1981), «Книга божественных откровений» в трех томах (роман выдержан в стиле суфийских «духовных странствий», 1983—1987) и др. Все эти романы в значительной мере автобиографичны и отображают различные периоды и события в жизни писателя.

Роман «Послание о любви и страсти» (Рисала фи ас-сабаба ва ал-важд, 1989) имеет форму и написан стилем средневековой *рисала* (послание). Повествователь, автор послания — египетский архитектор, приехавший в Узбекистан на международную конференцию по проблемам архитектуры, посещающий узбекские города Бухара, Самарканд, Ташкент, а затем едущий в Москву. Во время поездки он знакомится с русской девушкой-переводчицей и влюбляется в нее. В послании к близкому другу он рассказывает историю своего путешествия и своей любви. Этот роман тоже во многом автобиографичен, автор его действительно совершил поездку по Узбекистану, но в качестве делегата конференции писателей стран Азии и Африки.

Как литературный жанр *рисала* возникла на основе *адаб ат-тарассул* (правил составления писем). Послания представляли собой различные виды сочинений в прозе: научные трактаты, официальные канцелярские и дипломатические документы, деловые письма, частную переписку и т.д. Возникновению этого нового жанра способствовали арабские завоевания, в результате которых появилась огромная империя. Все более усложнявшаяся государственная система требовала создания разнообразных ведомств для управления обширным государством. Появились соответствующие учреждения (*диваны*) с большим штатом чиновников. Из халифской столицы шли в провинции приказы и распоряжения, а провинциальные правители, в свою очередь, слали в столицу доклады и отчеты. Первые послания в языковом отношении почти ничем не отличались от речей арабских ораторов, а часто были просто их письменной фиксацией. Вскоре, очень рано, новый прозаический жанр начал испытывать на себе также иранское влияние, проводниками которого были писцы (*катибы*) неарабского происхождения, служившие в государственных ведомствах, к этому времени уже полностью овладевшие арабским языком и хорошо осведомленные о домусульманской письменной культуре Ирана и Сирии. Именно они «дали жизнь» новому жанру и как носители определенной письменной традиции, и как практические создатели первых сочинений этого жанра [6. С. 255—260].

Как сказано выше, послания делились на различные виды. Роман ал-Гитани стилизован под *рисала ихваниййа* (братское, дружеское послание), представляющее собой уже литературный жанр, выделившийся из деловой, научной и других

видов эпистолярной прозы. В посланиях этого жанра автор обращается к адресату как к очень близкому ему человеку, которому он подробно и искренне описывает свои чувства, открывает свою душу. Поэтому в романе в начале каждой главы он использует обращение «Мой сердечный друг».

В названии романа ал-Гитани употребляет слово *ваджд*, имеющее значение «пылкая любовь», «страсть». Ваджд — это и сложный для понимания суфийский термин, присутствующий во многих суфийских трактатах в значении «любовь к Богу». Но если для суфия, идущего путем познания, «в конце Пути присутствует, „находится“ только Бог» [Цит. по: 7. С. 217], то для автора послания в романе центром этого мира является его возлюбленная, она по сути есть конечный элемент всего мироздания. Вот как он описывает ее во время посещения делегатами конференции исторического памятника медресе Мира Араб: «Все это, брат мой, пришло в наше время из прошлого лишь для того, чтобы она остановились среди памятников, взглянула на них. Что касается медресе Мира Араб, то, несмотря на его блеск и великолепие, ему не хватало какого-то элемента. Оно стало завершенным лишь тогда, когда она остановилась в его дворе, медленно рассматривая надписи, коранические айаты, архитектуру домов. Словно те, кто в далекие времена занимался проектированием и наблюдением за строительством этих зданий, гадали по звездам и предсказывали еще в то время грядущий приход этой девушки. Они учли и приняли во внимание, что когда она придет в этот мир, она будет сначала несмышленным ребенком, потом молодой девушкой, отправится в путешествие, и только тогда все элементы соединятся, строения станут завершенными. Если бы ты был рядом и видел, как она гуляет по летнему дворцу, как спускается по его ступеням, видел бы выражение ее лица, когда она смотрит на надписи, ты непременно понял бы, что все это было построено лишь для того, чтобы она пришла сюда» [2. С. 38]. В этом описании душевного состояния героя и его восприятия любимой девушки явно присутствуют не только стилистические элементы средневекового послания, но и суфийские реминисценции.

Суфийский стиль и форма средневекового братского послания были выбраны Гамалем ал-Гитани неслучайно. Как утверждает сам автор, «вершина арабского языка это не известные памятники литературы, а книги великих суфиев, потому что их целью было передать состояние, переживание. И суфий прилагал все старания к тому, чтобы овладеть языком в такой степени, которая позволила бы ему проникнуть в сферы чувств, обычно недоступные для слов... Суфийские книги содержат новый взгляд на человека» [Цит. по: 4. С. 218].

Помимо суфийских реминисценций в романе используется и такой традиционный для средневековой литературы прием, как цитирование, — в подтверждение какой-то важной для героя (и для автора) мысли — стихотворных отрывков, древних легенд и историй. Так, мысль о том, что время и место смерти человека predetermined, хотя сам человек не знает, когда и на какой земле он умрет (эта мысль высказывается во многих произведениях ал-Гитани), формулируется в послании героя к другу и подтверждается ссылкой на легенду, связанную с Сулейманом. В мусульманской традиции Сулейман (библейский царь Соломон) считался

пророком и обладал способностью повелевать ветром, общаться с джиннами и с ангелами. Однажды один из слуг увидел во дворце царя Ангела смерти, который недобро взглянул на него. Слуга подумал, что час его смерти близок, и попросил Сулеймана перенести его с помощью ветра в считанные секунды в Индию. Сулейман выполнил просьбу слуги, а потом рассказал об этом Ангелу смерти. Ангел ответил, что он действительно был удивлен, увидев слугу во дворце Сулеймана, хотя перед этим получил приказание забрать его душу в Индии.

Неслучайно также писатель сделал героя своего романа архитектором и архитектуре отводится такое важное место в повествовании. Конференция, на которую приехал герой, посвящена сохранности старых памятников и их реконструкции. Во время посещения городов внимание героя сосредоточено на древних строениях, дворцах, школах, которые он воспринимает не только как прекрасные архитектурные сооружения, но и как символы стремления человека к бесконечности. Если уходит из жизни человек и исчезает даже целый народ, то построенные ими здания, свидетели эпохи, остаются на века. Интерес к архитектуре связан с важной для автора романа темой времени. Известно, что в средневековой арабомусульманской философии одной из распространенных была атомистическая теория времени. Согласно этой теории, время состоит из череды моментов, каждый из которых лишен длительности; последняя представляет собой следование одного за другим возникающих и умирающих «мгновений», атомов времени. Каждый атом времени конституирован двумя событиями: «возникновением» (*худус*) и «уничтожением» (*фана*). Эта теория была изложена в каламе (средневековая мусульманская схоластика), воспринята и развита в суфизме и со временем стала самостоятельной [5. С. 744].

Герой-повествователь в романе ссылается на подобное же видение времени: «Наши братья из далеких времен говорили в своих посланиях: „Поистине время делится на годы. Год уходит и больше не возвращается. Годы делятся на месяцы. Месяц также уходит и больше не придет. Месяц делится на дни, которые приходят и больше не вернутся. День делится на часы. Час проходит и больше не придет. Из часа приходят минуты, которые также больше не вернутся. Минута делится на секунды. Секунда наступает и больше не придет“. Тогда где же время? Таким образом уходит какая-то часть меня самого, и эта часть больше не вернется» [2. С. 51]. Через призму такого понимания времени герой романа воспринимает и свои отношения с девушкой, он с грустью осознает свою временную отдаленность от нее: ведь ей только двадцать лет, а ему уже сорок — она находится «в начале», а он «уже в конце».

Но не только время, разница в возрасте отдаляет его от любимой. Присутствует ли он на заседании, на концерте, едет ли в автобусе, он постоянно следит глазами за ней, за тем, как она общается с другими людьми, говорит с ними по-русски или по-английски (а он не знает ни того, ни другого языка). Он хотел бы открыть ей свои чувства, но не осмеливается. Он чувствует себя одиноким, чужим окружающим его людям: «За два часа до нашего отправления в Бухару было организовано маленькое собрание, на котором выступили некоторые из нас. Инженер

из Перу говорил о дружбе народов. Архитектор из Индии выступил с речью на урду. Мой египетский друг рассказал о древних цивилизациях и о двух архитектурных направлениях в будущем. Другие фотографировались. Однако я был далек от всего этого» [2. С. 15].

Повествование сосредоточено в основном на внутренних размышлениях автора послания. Вместе с тем эти размышления связаны с реальными эпизодами и событиями, происходившими во время конференции: заседаниями, экскурсионными поездками, встречами и знакомствами с местным населением, с его традициями и искусством. Вот как описывает повествователь концерт, организованный для гостей: «Вошли двое юношей из местных жителей, у них были азиатские глаза, и они хранили молчание кочевников. Один из них нес лютню, другой — сантур. Их было двое, двое, брат мой, не больше. Я не мог и вообразить, что они вызовут во мне такую глубокую печаль. Но как только первый провел смычком по инструменту, а второй тронул струны, я стал вслушиваться в мелодию грусти, идущую из далеких веков, мелодию плача тех, кто находится вдалеке. Это была песня об искрах, высекаемых копытами вражеской татарской конницы, о тоске по домам, которые были построены, а потом разрушены врагом, о жестокой разлуке людей, всегда живших вместе. Много кто проходил через эти края. Знай, о брат мой, то, о чем забывают другие, остается в моей душе, даже если оно скрыто от посторонних глаз» [2. С. 12].

Повествователь постоянно переходит от описаний происходящего в данный момент к своим размышлениям, от настоящего к прошлому и обратно. Эти переходы в романе четко не разграничены, и читатель вынужден внимательно вчитываться в текст, чтобы уловить их. Создается впечатление своего рода непрерывного внутреннего монолога, что сближает роман ал-Гитани с современной литературой модернизма.

Роман завершается на грустной ноте. Путешествие заканчивается. Герой-повествователь возвращается в Египет. Он отправляет своей возлюбленной несколько писем, но не получает на них ответа и пишет другу: «Она не прислала мне ответа, не ответила... Я чувствую себя, как пассажир корабля, покинувшего порт и плывущего в неведомую даль» [2. С. 138]. Ему уже начинает казаться, что все случившееся с ним было лишь плодом его воображения.

Таким образом, в романе «Послание о любви и страсти» духовный мир современного, хорошо знакомого с западной культурой и литературой человека, мир его чувств и душевных переживаний отображается художественными и стилистическими средствами, заимствуемыми из арабского средневекового литературного наследия, что и придает роману его особый колорит.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ал-Гитани, Гамаль. Аз-Зейни Баракат. — М.: Радуга, 1986. [*Al-Gitani, Gamal. Az-Zeyni Barakat.* — М.: Raduga, 1986.]
- [2] Ал-Гитани, Гамаль. Послание о любви и страсти (Рисала фи ас-сабаба ва ал-важд). — Каир: Дар аш-Шурук, 1989. [*Al-Gitani, Gamal. Poslanie o lyubvi i strasti (Risala fi as-sababa va al-vajd).* — Cairo: Dar ash-Shuruk, 1989.]

- [3] *Кирпиченко В.Н.* Современная египетская проза 60—70-х гг. XX века. — М.: Наука, 1986. [*Kirpichenko V.N.* Sovremennaya egipetskaya proza 60—70-h gg. XX veka. — М.: Nauka, 1986.]
- [4] *Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В.* История египетской литературы XIX—XX вв. Т. 2: Литература второй половины XX века. — М.: Восточная литература, 2003. [*Kirpichenko V.N., Safronov V.V.* Istoriya egipetskoy literature XIX—XX vv. T. 2: Literatura vtoroy polovini XX veka. — М.: Vostochnaya literature, 2003.]
- [5] *Степин В.С., Семегин Г.Ю.* Новая философская энциклопедия в 4 т. — М.: Институт философии РАН. [*Stepin V.S., Semegin G.Y.* Novaya filosofskaya ensiklopedia v 4 t. — М.: Institut filosofiyi RAN.]
- [6] *Фильштинский И.М.* История арабской литературы V — начала X вв. — М.: Либриком, 2012. [*Filshinskiyi I.M.* Istoriya arabskoy literaturi V — nachala X vv. — М.: Libricom, 2012.]
- [7] *Шimmel, Аннемари.* Мир исламского мистицизма. — М.: Алетея, Энигма, 1999. [*Shimmel Annemari.* Mir islamskogo misticizma. — М.: Alateya, Enigma, 1999.]

**FEATURES OF THE NEOTRADITIONALISM
IN THE NOVEL OF GAMAL AL-GITANI
«THE MESSAGE OF THE LOVE AND PASSION»**

V.V. Vasilyev

Institute of Oriental Studies
Rozhdestvenka str., 12, Moscow, Russia, 107031

The task of this article is the identifying of the features of the neotraditionalism in the novel of Egyptian writer Gamal al-Gitani “The message of the love and passion”.

Key words: contemporary Egyptian novel, neotraditionalism, genre of the fraternal message.